

K1514597

Вологодская областная
универсальная научная
библиотека им. И. В. Бабушкина

ДАР из библиотеки
с. Турь

Свой очерк о выдающемся советском писателе Сторк заканчивает анализом отрывков еще не заверщенного романа Шолохова «Они сражались за родину», подчеркивая, что он также является романом о народе, и высказывает предположение, что он явится «величайшим и наиболее важным документом второй мировой войны».¹

Интерес к творчеству Шолохова не ослабевает и в наши дни. В 1953 г. в Дании было предпринято второе издание романа Шолохова «Тихий Дон». Датская общественность горячо приветствовала новое издание этого замечательного произведения.

В газете «Лангд ог Фольк» была помещена статья «Новое издание „Тихого Дона“», в которой повторное издание романа Шолохова расценивается как новое свидетельство огромной популярности советской литературы в Дании.

Прогрессивная общественность скандинавских стран очень внимательно следит за успехами советской литературы. В скандинавской прессе уже появились отклики на опубликование отрывков второй части романа «Поднятая целина», печатавшихся на страницах журнала «Огонек» и газеты «Правда». Все это говорит о том, что произведения выдающегося советского писателя Михаила Шолохова прочно вошли в фонд читаемой литературы скандинавских стран, они близки, понятны и дороги широким кругам скандинавских читателей.

¹ Там же, стр. 111

ПИСЬМО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ КИТАЯ

Товарищи!

Мы очень рады получить Ваше письмо, написанное 14 ноября. Шолохов — один из любимых писателей китайского народа. Его произведения «Тихий Дон», «Поднятая целина» получили широкое распространение в Китае. Китайские писатели учатся на его произведениях методу социалистического реализма. Широкие народные массы воспитываются на идеях его произведений. «Поднятая целина» рекомендуется в качестве дополнительного пособия для изучения «Генеральной линии» и «Истории КПСС». В газетах и журналах публиковались многие статьи, популяризирующие произведения Шолохова, однако, к сожалению, мы не имеем сейчас достаточного материала, поэтому мы составили неполный список литературы для Вас.

С приветом

*Союз писателей Китая
Комитет зарубежной литературы*

22 XII 1954 г.

ТРИ ФЕЛЬЕТОНА М. А. ШОЛОХОВА

К началу литературной деятельности писателя

(Сообщение В. В. Г у р а)

«Я родился на Дону, — говорил Шолохов, — рос там, учился, формировался как человек и писатель, воспитывался как член нашей Коммунистической партии...»¹

¹ Речь М. А. Шолохова к избирателям. В сб. «Мастера искусства депутаты Верховного Совета ВССР». Изд. «Искусство», М., 1938, стр. 40.

周錫同志：

我們很高興的接獲您十一月十四日的信。那信整整是今日中國
人民喜愛的新家之一，他的作品「靜」的頓悟，「被壓迫的
處女」在中國流傳很廣。中國作家們從他的作品中學習
到社會主義現實主義的創作方法。一般人民也從作品的思
想性中學到教育，「被壓迫的處女」已被訂為學習區經
典。和「聯合受史」的參考書之一。雜誌報章中更有不少介
紹他的文章，可惜材料現在都無法搜集到。我們僅作
一個不完全的編目，供您參考。此致

敬神

十一月二十二日

中國作家協會

Детство, проведенное в кругу сверстников-казачат на берегу Дона, частые передвижения семьи по Донской области давали будущему писателю много впечатлений. Безграничные просторы родных степей, зеленеющие берега тихого Дона с детства запечатлел Шолохов. Он впитывал в себя родной донской говор, задушевные и печальные казачьи песни. Своими глазами видел он жизнь донских станиц и хуторов, своеобразный быт казаков с их изнурительным трудом и военной службой. Большой след оставили и рассказы матери о тяжелой жизни крепостного крестьянства.

В семье Шолоховых не жалели никаких средств для того, чтобы сын получил хорошее образование. Отцу писателя удалось собрать дома небольшую библиотеку. Основную ее часть составляла художественная литература. В приложениях к «Ниве» были сочинения Н. Гоголя, Л. Толстого и других классиков. Юный Шолохов рано приобщился к книге, потянулся к знаниям. В 1912 г. он начал брать уроки у сельского учителя, Тимофея Тимофеевича Мрыхина, и за три месяца прошел курс первого года обучения. Т. Т. Мрыхин так вспоминает об этих днях: «Уступая настойчивым просьбам Миши, родители начали учить его в дошкольном возрасте. Меня пригласили для обучения Миши грамоте на дому... Моя работа оказалась очень интересной. Заботливые родители всегда стремились создать лучшие условия для наших занятий. Учеба шла успешно... Он настолько быстро усваивал уроки, что за несколько месяцев овладел письмом и счетом (в пределах первого года обучения)».¹

Едва Шолохову исполнилось девять лет, как грянула первая мировая война. В эти годы Александр Михайлович Шолохов и отвез своего сына в гимназию. «Учился я, — вспоминает писатель, — в разных гимназиях до 1918 г.»²

Среди наук, преподававшихся в гимназии, наибольший интерес вызывали у него история и литература. Шолохов знакомится с книгами русских классиков, особенно увлекаясь Гоголем. А вскоре и сам начинает пробовать свои силы в литературе. Он сочиняет эпиграммы, инсценирует повести Гоголя, пишет одноактные водевили для домашних спектаклей, принимает самое живое участие в их постановке.

Наступила Великая Октябрьская социалистическая революция, а за нею и гражданская война, особенно ожесточенная на юге России. «Я в это время, — рассказывает Шолохов, — учился в мужской гимназии в одном из уездных городов Воронежской губернии [Богучаре]. В 1918 г., когда оккупационные немецкие

¹ Т. Мрыхин — преподаватель Вешенской средней школы. «Маленький поборник науки». «Большевистский Дон», 24 мая 1940 г. № 71, стр. 3. Вешенская.

² М. Шолохов. Автобиография. В кн.: «М. Шолохов. Лазоревая степь. Донские рассказы 1923—1925 гг.», Московск. т-во писателей, М., 1931, стр. 13.

войска подошли к этому городу, я прервал занятия и уехал домой [на хутор Плешаков Еланской станицы, где отец писателя работал в это время управляющим паровой мельницы]. После этого продолжать учение не мог, так как Донская область стала ареной ожесточенной гражданской войны».¹

Большие революционные события рано поставили перед юношей сложные вопросы.

«Молодой Шолохов, — пишет Серафимович, — выходец из трудовой семьи, и в его груди вспыхнула жажда битвы за счастье трудящихся, замученных. Вот почему он еще юношей... бился с кулаками в продотрядах. Вот почему он участвовал в борьбе с бандами. Вот почему в своих произведениях он стал на сторону революционной бедноты».²

С оружием в руках Шолохов защищал советскую власть. В 1920 г. он добровольцем вступил в продовольственный отряд, вел непримиримую борьбу с кулаками, прятавшими хлеб от голодавших рабочих. В это же время Шолохов принимал активное участие в общественной и культурной жизни своего района: помогал ликвидировать неграмотность среди взрослого населения, был самым энергичным членом драматического кружка станицы Каргинской.

Ключом была новая жизнь в станице. Молодежь создала ежедневную рукописную газету «Новый мир», ставила спектакли, организовывала вечера самодеятельности. Очевидцы вспоминают: желающих попасть на спектакль, в котором участвовал Шолохов, было так много, что клуб не мог вместить всех. Казаки, проникшие в зал, громко аплодировали Шолохову, неоднократно вызывали его на сцену. Юноша нередко так увлекался на сцене, что переставал слушать тщетно надрывающегося суфлера и, приводя в трепет режиссера, говорил совсем не то, что полагалось по роли.

«Еще в тяжелые дни 20-го года, — рассказывает Петр Байкальский, появление „Мишки Шолохова“ на каргинской сцене вызывало бурю аплодисментов и хохот станичной аудитории. Недаром перед тем, как ставить спектакли, публика спрашивала: „А Мишка Шолохов будет играть? Без Мишки дело не пойдет, не так интересно будет“. Но вся наша беда заключалась в том, что не было совершенно пьес для постановки. А непосредственные руководители ударных продгрупп (тогда было время продразверстки) требовали от местной интеллигенции ежедневной постановки спектаклей. Снабжение пьесами и взял на себя М. Шолохов, в постановке которых он принимал самое горячее участие, а мы и не подозревали в то время, что действующие

¹ М. Шолохов. Автобиография. 10 марта 1934 г., ст. Вешенская. Архив Института мировой литературы им. А. М. Горького, фонд М. А. Шолохова.

² А. С. Серафимович. Собр. соч., т. X, ГИХЛ, М., 1948, стр. 364.

лица пьес он списывает с нас, что они взяты из станичной действительности».¹

Другой член драматического кружка — М. М. Лимарева, учившаяся тогда в Каргинском училище, также вспоминает об успехе пьес юного Шолохова. Особенно ей запомнилась одна из них, «отображающая жизнь казаков в дни гражданской войны».² Рассказывают, что Шолохова можно было видеть в это время не только в клубе. Он охотно общался со старыми казаками, бывал на сходках, ко всему внимательно приглядывался, прислушивался, запоминал. Из окружающей действительности он черпал богатый материал для творчества, шел «по горячим следам» жизни, которая определила тематику даже юношеских его опытов.

Полностью отдаться литературной работе Шолохов еще не мог. В это время классовые враги, используя тяжелое хозяйственное положение, создавшееся в стране после окончания гражданской войны, начали разжигать недовольство крестьян продразверсткой и пытались использовать его. Вспыхнули организованные белогвардейцами и эсерами кулацкие мятежи в Сибири, на Украине, в Тамбовской губернии (антоновщина). Оживилась деятельность всякого рода контрреволюционных элементов — меньшевиков, эсеров, анархистов, белогвардейцев, буржуазных националистов.

В 1921 г., когда на Дону появились кулацкие банды Фомина, Мелихова, Маслакова и других, Шолохов участвовал в походах, «служил и мыкался по Донской земле» вплоть до 1922 года, до тех пор, пока не были полностью разгромлены банды. «...И банды гонялись за нами, — скупно вспоминает писатель об этом времени. — Все шло как положено. Приходилось бывать в разных переплетах...»³ Однажды во время боя с махновцами Шолохов был схвачен в плен. Допрашивал его сам Махно, пригрозив юноше виселицей в случае новой встречи. Подобные «переплеты» Шолохов не раз описывал и в своих рассказах, и в «Тихом Доне».

Яркому описанию сцены появления в штабе Фомина пленного красноармейца-продотрядника и других сцен Шолохов обязан личным впечатлением, непосредственному участию в борьбе народа.

Когда враги советской власти на Дону были разгромлены, Шолохов в 1922 г. приехал в Москву с намерением продолжить учебу. Но поступить на рабфак не удалось. Он «усиленно занимался самообразованием», освоил ряд новых профессий: работал грузчиком, каменщиком, счетоводом, канцелярским работником.

¹ П. Байкальский. Мнение одностаничника. «Молот». 14 ноября 1928 г., № 2164, стр. 5, Р.-на-Д.

² М. М. Лимарева. Одностаничники о своем земляке. «Молот». 25 января 1946 г., № 19/7171, стр. 2, Р.-на-Д.

³ М. Шолохов. Автобиография. В его кн. «Лазоревая степь. Донские рассказы 1923—1925 гг.», стр. 13.

Жизненный опыт юноши, за плечами которого стояла суровая школа гражданской войны, значительно обогатился. Работа на предприятиях столицы помогла еще глубже познать жизнь трудового народа. В это время и появляется, как вспоминал позже Шолохов, «настоящая тяга к литературной работе»,¹ которая приводит его в редакцию комсомольской газеты «Юношеская правда».²

19 сентября 1923 г. на страницах этой газеты был опубликован небольшой фельетон «Испытание».³ Внизу стояла подпись: М. Шолох. Это было первое выступление Шолохова в печати. За ним последовали еще две газетные публикации — «Три»⁴ и «Ревизор».⁵ Все они носят типично фельетонный характер. Первый фельетон — «Испытание» — представляет, как свидетельствует подзаголовок, «случай из жизни одного уезда в Двинской области». Секретарь Укома РКСМ просит довольно подозрительного человека «в широком модном пальто, с заплывшими жиром самодовольными глазками» Тютикова проверить политическую благонадежность секретаря волостной ячейки Покусаева, который отправляется на сельскохозяйственную выставку. В дороге Тютиков нагло провоцирует Покусаева, и тот избивает его.

Фельетон «Три», посвященный рабфаковской молодежи, имеет аллегорический характер. «Большая, костяная, с аристократически-брюзглым лицом и едва уловимым запахом одеколona» пуговица, принадлежавшая бывшему фабриканту, барски шепелявя, вздыхает о прошлой жизни, помышляет о самоубийстве. Другая пуговица — скромная, «маленькая, деревянная, обшитая красным сукном», смущенно розовеет, повествуя о том, как оказалась она не у дел. И только последняя, самая простая, «металлическая, синяя» с гордостью рассказывает о своем владельце, комсомольце-рабфаковце.

Шолохов славит простых, дышащих молодостью и здоровьем, «славных, крестьянских парней», упрямых и веселых. Преодолевая трудности, они упорно изучают марксизм, готовятся быть стойкими бойцами-коммунистами. Молодой журналист противопоставляет их не только тем, кто с презрением относится к новой жизни, но и тем, для кого героическая борьба минула, как сладкий сон, кого засосало мирное затишье.

В третьем фельетоне — «Ревизор» — М. Шолохов впервые обращается к изображению Дона. «Истинное происшествие»

¹ «Известия», 12 июня 1940 г., № 134, стр. 5.

² Впоследствии газета называлась «Молодой ленинец» (орган ЦК и МК ВЛКСМ).

³ М. Шолохов. Испытание. «Юношеская правда», 19 сентября 1923 г., № 35, стр. 4.

⁴ М. Шолохов. Три. «Юношеская правда», 30 октября 1923 г., № 44, стр. 6.

⁵ М. Шолохов. Ревизор. «Молодой ленинец», 12 апреля 1924 г., № 30, стр. 4.

происходит в станице Букановской, жизнь которой особенно хорошо знал Шолохов (там жили его родные). Комсомолец Кособугоров, рассеянность которого «достигала анекдотических размеров», командирован в Буканов для работы среди батрачества. Перетрусивший, позеленевший от страха кассир кредитного товарищества принимает Кособугорова за ревизора РКИ. В конце фельетона недоразумение выясняется. Оказывается, Кособугоров по рассеянности надел на постоялом дворе лохматое пальто, принадлежавшее ревизору.

Фельетоны молодого Шолохова печатались на страницах «Юношеской правды» одновременно со стихами Д. Бедного и В. Маяковского. Исполненные юношеского, комсомольского задора и оптимизма, они были близки к статьям Марка Колосова, перекликались с оптимистическими стихами комсомольских поэтов А. Безыменского, М. Голодного, А. Жарова, литературная жизнь которых, собственно, и началась здесь, на страницах той же «Юношеской правды». Не случайно впоследствии Шолохов напечатал один из своих рассказов в альманахе группы поэтов-комсомольцев — «Молодость».

Шолохов начал свой творческий путь изображением молодежи, рабфаковцев, комсомольцев, в среде которых он жил и на Дону в годы гражданской войны, и по приезде в Москву. Уже первые его фельетоны шли от жизни. Связь с ней молодой журналист подчеркивал настойчиво. «Истинное происшествие», «случай из жизни» — так определял он содержание своих фельетонов. С первых же шагов (фельетон «Испытание») Шолохов прибегает к юмористической ситуации. Юмористическая струя усиливается во втором («Три») и особенно в третьем («Ревизор») фельетоне.

Таким образом, юмор, присущий Шолохову-художнику, обнаружился в самом начале его творчества, а затем развернулся в «Донских рассказах». В «Тихом Доне» и особенно «Поднятой целине» Шолохов выступает большим мастером юмора.

Весьма примечательно, что уже с первых литературных опытов Шолохова устанавливается связь с Гоголем. Интерес к Гоголю, в том числе к его драматическим произведениям, сказался не только в том, что Шолохов в гимназические годы увлекался инсценировками его повестей, а в годы гражданской войны сочинением пьес юмористического характера. Эта связь наложила отпечаток и на его фельетоны. Фельетон «Ревизор» — яркое тому свидетельство. Знаменитая комедия Гоголя подсказала Шолохову всю композиционную структуру фельетона. Однако, несмотря на сознательное подчеркивание этой параллели самим автором, следование Гоголю носит пока механически-подражательный характер. Почти полным повторением гоголевской ситуации Шолохов подчеркивает только комичность положения рассеянного человека, делая весьма смутный вывод, что нынешняя молодежь вовсе не так безнравственна, как это кажется представителям

старшего поколения. В дальнейшем творчестве Шолохова связь с Гоголем проявляется глубже и в ином плане — в лиризме авторского повествования.

Характерная для донских рассказов лаконичность авторских описаний сказывается и в фельетонах. Шолохов сосредоточивает внимание на самом конфликте, лежащем в основе фельетона, ограничиваясь скупыми зарисовками и авторскими описаниями («Вечер. Дорога. Грязь...»). Отсюда идет эскизность, фрагментарность фельетонов. Только фельетон «Три» начинается с авторской характеристики его «персонажей». Строится же он на диалоге: последовательно сообщается «история» трех пуговиц.

Фельетон «Испытание» состоит из трех эпизодов (разговор у секретаря укома РКСМ, драка в дороге, сообщение Тютикова о «благополучном» приезде). Четыре эпизода даны в фельетоне «Ревизор» (сообщение кассира о приезде «ревизора», рассказ о том, как Кособугорова привезли в правление кредитного товарищества, Кособугоров в кредитном товариществе и выяснение недоразумения, привод Кособугорова в милицию).

Шолохов редко прибегает к авторской характеристике персонажей фельетонов. Лишь в «Ревизоре» заостряется анекдотическая рассеянность комсомольца Кособугорова («на антирелигиозном диспуте он вместо платка высморкался в рясу попа, сидевшего рядом. Плевал и бросал окурки в калоши, а пепельницу пытался надеть на ногу»). В авторской характеристике нередко появляются натуралистические подробности («У предправления затряслись жирные ляжки, а на носу повисла мутно-зеленая капля волнения», «У рыхлого председателя вывалился посиневший язык», «Костяная выдавила из себя гнойную слезу и умолкла»). От этих натуралистических деталей Шолохов отказывался постепенно, в течение всего своего творчества.

Персонажи фельетонов раскрываются преимущественно через действия, поступки. Однако скупые, но подчас метко характеризующие персонаж штрихи появляются уже в фельетонах. Подчеркивая безразличное отношение комсомольца Покусаева к сопровождавшему его провокатору Тютикову, Шолохов пишет: «Покусаев, свесив длинные ноги, дремал под мирный скрип телеги и на скуластом, конопатом лице его бродили заблудившиеся тени». Глядя на Тютикова, он «с тоскою вспоминал, что забыл на дорогу поест» (курсив мой, — В. Г.). В отличие от не в меру разговорчивого Тютикова, Покусаев задумчив, молчалив. И даже избивает он Тютикова молча, сопя. Уже в фельетонах Шолохов добивается индивидуализации персонажей. В речевой характеристике Тютикова проступает разговорная интонация неуверенности, увертливости («Да-а-а... видите ли я... э-э-э занялся торговлишкой; ну меня... одним словом, по собственному желанию выбыл из партии»). В речи Покусаева сказывается подчеркнутое пренебрежение к собеседнику («Да», «Не трепись». «За подобные речи получишь по очкам»).

В речи неизвестных из фельетона «Ревизор» передается угодливое заискивание («Мы... к вам. Служащие просят... не откажите...», «А вот... пожалте-с!..»). Барское презрение выступает в речи пуговицы с аристократически-брюзглым лицом. («*Не понимаю, господа, как я еще живу!*... Запах портянок, пота, какой-то *специфический „мужицкий дух“*, это же — кошмар!.. Два месяца назад я жила, третьей сверху, на *великолепнейшем пальто*»).

Фельетоны в «Юношеской правде», несмотря на то, что в них уже обнаружались некоторые особенности дарования Шолохова, были лишь пробой пера молодого, мало опытного журналиста. В них еще много незрелого и несовершенного. Потребовались годы напряженной работы, прежде чем автор этих фельетонов пришел к большому мастерству.

В начале 1924 г. Шолохов обращается к жанру рассказа. Первый из них он посылает в ту же «Юношескую правду», выходящую теперь под названием «Молодой ленинец». 15 марта в «Почтовом ящике» этой газеты появился следующий отзыв:

«Твой рассказ написан сочным, образным языком. Тема его очень благодарна, но — это еще не рассказ, а только очерк. Не спеши, поработай над ним, очень стоит. Введи в него больше действия, больше живых людей и не слишком перегружай образами: надо их уравновесить, чтобы один образ не заслонял другой, а ярче выделялся на фоне другого. Работай терпеливее, упорней».¹

Сам факт появления развернутого отзыва на страницах газеты (ответы начинающим авторам обычно были лаконичны) говорит о том, что рассказ обратил на себя внимание редакции не только темой, а прежде всего «сочным, образным языком», который отмечал в ранних рассказах Шолохова и Серафимович.

Когда первая попытка напечатать рассказ потерпела неудачу, Шолохов настойчиво и терпеливо продолжал работу и в конце 1924 г. на страницах этой же газеты напечатал первый рассказ — «Родинка»,² которым открыл позже сборник «Донских рассказов». Вскоре увидела свет и повесть «Путь-дороженька». В ней

¹ «Молодой ленинец», 15 марта 1924 г., № 21, стр. 4. — Отзыв появился за подписью А. Ж. Александр Жаров ответил мне: «Вы правы. Ответ М. Шолохову, помещенный в газете „Молодой ленинец“ (1924 г.) написан мною... Я участвовал в принятии к печати его материалов в „Молодом ленинце“, а также и в отклонении некоторых из них.

Первые слова поддержки из Москвы Шолохов получил от меня. Весьма возможно, что самыми первыми *такими* словами были именно те, которые Вы цитируете из „Молодого ленинца“ в Вашем письме. В „Молодом ленинце“ в 1924 году я был кем-то вроде главного литературного советчика, консультанта и заведующего „Почтовым ящиком“. (Письмо А. Жарова ко мне от 13 февраля 1955 г.).

² М. Шолохов. Родинка. «Молодой ленинец», 14 декабря 1924 г., № 144, стр. 4—5.

рассказывалось о героическом подвиге комсомольца Василия Кремнева в годы гражданской войны.

Имя Шолохова все чаще появляется и на страницах других молодежных газет и журналов («Смена», «Журнал крестьянской молодежи», «Прожектор» и др.). Особенно активно Шолохов сотрудничал в «Комсомолии».¹ Здесь он напечатал рассказы «Бахчевник», «Батраки», «Лазоревая степь», «Смертный враг».

Так начиналась литературная деятельность писателя, избравшего главной темой своего творчества жизнь народа, его пути в революции и гражданской войне, в первые годы советской власти и на последующих этапах строительства социализма.

И. ИСПЫТАНИЕ

(Случай из жизни одного уезда в Двинской области)

— Насколько я припоминаю, вы, т. Тютиков, раньше были членом партии? — обратился секретарь Укома РКСМ к сидевшему напротив человеку в широком модном пальто, с заплывшими жиром самодовольными глазками.

Тот беспокойно заерзал на потертом ситцевом кресле и неуверенно забормотал.

— Да-а-а... видите ли я... э-э-э занялся торговлишкой, ну меня... одним словом, по собственному желанию выбыл из партии.

— Так вот что я хотел вам сказать: на одной подводе с вами до станции поедет секретарь волостной ячейки Покусаев. Он командировается на сельскохозяйственную выставку... Я лично очень мало знаю его и хочу просить вас, как бывшего партийца, вот о чем. Ехать вы будете вдвоем, так вы прикиньтесь этаким „непом“ (наружность у вас самая подходящая) и тоненько попробуйте к нему подъехать. Узнайте его взгляды на комсомол, его коммунистические убеждения. Постарайтесь вызвать его на искренность, а со станции сообщите мне.

— Своего рода маленький политический экзамен, — самодовольно качнув жирным затылком, сказал Тютиков и улыбнулся.

— Пишите, благополучно ли доехали! — провожая Тютикова, крикнул с крыльца секретарь.

* * *

Вечер. Дорога. Грязь. .

Покусаев, свесив длинные ноги, дремал под мерный скрип телеги и на скуластом, конопатом лице его бродили заблудившиеся тени.

¹ «Мне приходилось и в 1925 году отвечать Шолохову по поводу его рукописей, присылавшихся в журнал „Комсомолия“. Я был ответственным редактором этого журнала. Рассказы и очерки Шолохова, помещенные в этом журнале, редактировались мною». (Письмо А. Жароза ко мне от 13 февраля 1955 г.).

Тютиков долго рассматривал соседа, потом из чемоданчика достал хлеб, колбасу, огурцы и звучно зачавкал. Покусаев очнулся. Сел боком и, задумчиво глядя на облезлый зад лошаденки, с тоскою вспомнил, что забыл на дорогу поесть.

— На выставку? — глотая, промычал Тютиков.

— Да.

— Хм-м, глупости. Людям жрать нечего, а они выставку.

— Выставка принесет крестьянству большую пользу, — нехотя отозвался Покусаев.

— Дурацкие рассуждения.

Покусаев дрыгнул ногой и промолчал.

— Строят ненужное, лишнее. Вот хотя бы эти комсомольцы. Ведь хулиганье! Давно бы прикрыть их надо.

— Не трепись. За подобные речи получишь по очкам.

— Не я у власти, а то показал бы Кузькину мать. Комсомоллистам-мерзавцам прописал бы рецепты! Этакие негодяи, безбожники!

Вдали замелькали огни станции, и Тютиков, давась колбасой, продолжал ругаться и громить безбожников-комсомольцев.

— Выдумали воздушный флот строить! Драть бы негодников! — уже хрипло дребезжал Тютиков, искоса через пенсне поглядывая на Покусаева. — И всех главарей. . .

Но ему не суждено было закончить свою мысль.

Покусаев привстал и молча, неуклюже повалился тощим животом на самодовольный затылок соседа.

Свернувшись дугою, два человеческих тела грузно шлепнулись в грязь. Подвода остановилась. Не на шутку перепуганный Тютиков попытался встать, но разъяренный секретарь, сопя, раскорячился на длинных ногах и повалил Тютикова на спину.

Из-под бесформенной кучи неслось пыхтение и стоны.

— Уко-о-о-м. . . секретарь просил. . . в шутку. . . — хрипел придушенный голос, а в ответ ему злое рычание и звуки, как будто били по мешку с овсом.

«Парень несомненно благонадежный», — писал на станции Тютиков, — «но. . .», — он окинул взглядом грязное пальто, потрогал ушибленное колено и что-то беззвучно шепнул вспухшими губами. — «Но. . .»

Тютиков с тоскою посмотрел на выбитое стеклышко пенсне, почесал карандашом синюю переносицу и, безнадежно махнув рукою, закончил:

«Несмотря на все это, я доехал благополучно».

М. Шолох.

2. Т Р И

(Рабфаку имени Покровского посвящаю)

Раньше их было две.

Одна большая, костяная, с аристократически-брюзглым лицом и едва уловимым запахом одеколona.

Другая маленькая, деревянная, обшитая красным сукном. И последняя металлическая, синяя была принесена только на днях.

После утренней уборки дворник свернул цыгарку и вместе с махоркой вытащил из кармана и ее.

Небрежно покрутил в закорузлых, обкуренных пальцах и швырнул на подоконник.

— Пришей к исподникам, Анна, а то моя потерялась.

Синяя пуговица бойко стукнула металлическими ножками.

— Здравствуйте, товарищи!..

Красная уныло улыбнулась, а костяная презрительно шевельнула полинявшей физиономией.

Лежа на сыром подоконнике дворницкой, понемногу разговорились.

— Не понимаю, господа, как я еще живу!.. — барски шепелявя начала костяная.

— Запах портянок, пота, какой-то специфический «мужицкий дух», это же — кошмар!..

Два месяца назад я жила, третьей сверху, на великолепнейшем пальто.

Владелец раньше был крупным фабрикантом, а теперь устроился в каком-то тресте.

Деньги у него были бешеные.

Часто доставая белые шелестящие бумаги из портфеля, он шептал:

— Попадусь в ГПУ... Эх, попадусь!..

И пальцы у него дрожали. Вечером на лихаче мы поехали к артистке. (На нее он тратил большие средства)...

Долго катались по улицам. Около казино слезли.

— Пойдем!.. — шипела она и, ухватившись за меня, тащила его к двери.

— Ты меня на преступления толкаешь! — крикнул он и рванулся. Я осталась у нее в руках. Она плюнула ему вслед и швырнула меня на мостовую.

После долгих скитаний я очутилась здесь. Но, как ни говоришь, а перспектива украшать вонючие, мужицкие штаны меня не прельщает, и я серьезно помышляю о самоубийстве...

Костяная выдавила из себя гнойную слезу и умолкла.

— Да, любовь — великое дело!

Когда-то и я краснелась на буденовке краскома.

Была под Врангелем, Махно. Мимо свистели пули. На Перекопе казачья шашка едва не разрубила меня надвое.

Все это минуло, как славный сон.

Настало затишье...

Мой краском потел под буденовкой, изучая математику и прочие мудрые вещи.

Но как-то познакомился с барышней-машинисткой, и все пошло прахом!..

Нитки, державшие меня, ослабли, и часто пожелтевший краском, глядя как я болтаюсь и вот-вот упаду, сокрушенно вздыхал<...>

— Буржуазная идеология!..

Саркастически улыбнулась металлическая.

— Если я и попала сюда, то случилось это гораздо проще.

Я была на брюках комсомольца-рабфаковца.

Костяная презрительно скосоротилась, красная смущенно по-розовела.

— Мой владелец был вихрастый, с упрямым лбом и веселыми глазами. Учился он упорно. Между занятиями таскал на вокзале кули и распевал «Молодую Гвардию».

Урезывая себя в необходимом, купил новые брюки и меня с ними.

Не скажу, что я принадлежала ему безраздельно. Наоборот, мною пользовались еще человек пять, таких же славных, крестьянских парней.

Надевали штаны они по очереди, и от них, молодых и сильных, пахло не одеколоном, а молодостью и здоровьем.

Вихрастый много читал. Частенько в райкоме говорил речи. Когда не находил подходящее выражение, любил поддерживать штаны. Хотя часто их приходилось поддерживать и оттого, что у него ничего не было в желудке.

Я насквозь пропиталась запахом Коммунизма и, поверьте, чувствовала себя хорошо и уютно.

Однажды пришли ребята, хмурые, печальные.

Надо было купить «Исторический материализм», подписаться на «Юношескую правду», а денег не было.

Часа два молчали и думали.

Потом вихрастый любовно подержался за меня пальцами и решительно проговорил:

— Или рабфак кончать — или в новых штанах ходить! Валяй, братва, на Сухаревку!..

Штаны стащили с него всей оравой, под дружный хохот и крики.

В суматохе меня и оборвали...

Через полчаса, лежа на полу, ребята вслух читали «Исторический материализм», а я под койкой думала:

«Если из этого вихрастого парня, со временем, и выйдет стойкий боец-коммунист, то этому отчасти причиной буду и я...»

— Да... конечно... — конфузливо залепетала костяная, но металлическая пренебрежительно сплюнула на пол и повернулась к соседкам спиной.

М. Шолох.

3. «РЕВИЗОР»
(Истинное происшествие)

I

Хлопнув дверь, позеленевший кассир Букановского кредитного т-ва предстал перед председателем правления.

— Ревизор из РКИ ночует на постоялом!.. В черном лохматом пальто... Злой, как сатана! Сам видел!..

У предправления затряслись жирные ляжки, а на носу повисла мутно-зеленая капля волнения.

II

Рассеянность комсомольца Кособугорова достигала анекдотических размеров: на антирелигиозном диспуте он вместо платка высморкался в рясу попа, сидевшего рядом. Плевал и бросал окурки в калоши, а пепельницу пытался надеть на ногу.

Но несмотря на это был отличным работником, а поэтому губком РКСМ и командировал его в Буканов¹ по работе среди батрачества.

Переночевал на постоялом; утром оделся, сунул в карман чохоточный портфель и пошел в уком. За углом его встретили с низким поклоном двое неизвестных.

— Мы... к вам. Служащие просят... не откажите...

— Чего собственно?

— А вот... пожалте-с! .

Осанистый кучер круто осадил вороных, а те двое услужливо помогли Кособугорову утонуть в рессорной коляске.

Одначе, уком! Лошади-то какие... — подумал Кособугоров и конфузливо измазал бархатную обивку грязными сапогами, потом поджал их под себя.

III

Кособугорову положительно все казалось странным.

Даже пальто, снятое с него разевшимся швейцаром, и то казалось иным...

Перед ним явно трепетали. В нем заискивали. Ему засматривали в глаза, предупреждали каждое движение, а он, глядя на ковры, мебель, лишь только недоумевал.

— Здесь секретарь живет?

— Нет, председатель.

— Какие комсомольцы все старые, толстые, как купцы... — мысленно удивлялся Кособугоров.

«Председатель» наверное в ссылке был: неуверенный голос, дрожит.

¹ Царицынской губ.

— Вы... вы... —кто-то обратился к Кособугорову.

— Не «выкай», пора привыкнуть к «ты».

Все предупредительно захихикали, зашептались...

За столом, после четвертого блюда, председатель шепнул:

— Недостаточки у нас маленькие, знаете-ли...

— В литературе?

— Не-е-т...

Кособугоров ослабил пояс, рванул и громко заговорил об организации работ среди батраков. Все улыбались, то недоумевающе, то растерянно и смстрели ему в рот.

— Батраков у нас немного: два конюха, кучер...

— Вот и надо использовать комсомолье... Я, как присланный губкомом РКСМ...

— Ка-а-ак?! Кто вы?!

— Да. По организации батрачества. Мандат, я того... забыл предъявить.

Кто-то ахнул, с кем-то сделалась истерика, зазвенела разбитая посуда, у рыхлого председателя вывалился посиневший язык.

А Кособугоров, стараясь перекрычать шум, стоя на стуле, зычно читал свой мандат и обводил всех круглыми глазами.

IV

На базаре Кособугорова встретил милиционер и, ничего не объясняя, свел его в милицию.

У начальника с него стащили чье-то чужое, лохматое пальто, а уполномоченный РКИ, сердито брызгая слюнами, утверждал, что именно он, Кособугоров, на постоялом дворе спер у него пальто, и, захлебываясь негодованием, громил беззастенчивость нынешней молодежи.

М. Шолох.

ПРЕДИСЛОВИЕ М. А. ШОЛОХОВА К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ «ТИХОГО ДОНА»

(Публикация В. В. Г у р а)

Английским читателям

Я рад тому, что мой роман «Тихий Дон» тепло встречен английским читателем и прессой. Особенно рад потому, что Англия — родина крупнейших писателей, вложивших в сокровищницу мировой литературы немало ценностей и способствовавших своим бессмертным творчеством воспитанию вкусов читателей-англичан.

Меня несколько смущает то обстоятельство, что роман воспринимается в Англии, как «экзотическое» произведение. Я был

бы счастлив, если бы за описанием чуждой для европейцев жизни донских казаков читатель-англичанин рассмотрел и другое: те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции.

В мою задачу входит не только показать различные социальные слои населения на Дону за время двух войн и революции, не только проследить за трагической судьбой отдельных людей, попавших в мощный водоворот событий, происходивших в 1914—1921 годах, но и показать людей в годы мирного строительства при советской власти. Этой задаче и посвящена моя последняя книга «Поднятая целина».

В заключение мне хочется сказать следующее: в отзывах английской прессы я часто слышу упрек в «жестоком» показе действительности. Некоторые критики говорили и вообще о «жестокости русских нравов».

Что касается первого, то, принимая этот упрек, я думаю, что плох был бы тот писатель, который прикрашивал бы действительность в прямой ущерб правде и щадил бы чувствительность читателя: из ложного желания приспособиться к нему. Книга моя не принадлежит к тому разряду книг, которые читают после обеда, единственная задача которых состоит в способствовании мирному пищеварению.

А жестокость русских нравов едва ли превосходит жестокость нравов любой другой нации. . . И не более ли жестоки и бесчеловечны были те культурные нации, которые в 1918—1920 годах посылали свои войска на мою измученную родину и пытались вооруженной рукой навязать свою волю русскому народу?

М. Шолохов

Ст. Вешенская
10 июня 1934 г.

* *
*

«Тихий Дон» М. Шолохова под названием «И спокойно протекает Дон» впервые вышел в Англии в начале 1934 г.¹

В течение 1934—1935 гг. в Лондоне вышло еще шесть дополнительных тиражей этого издания. В сентябре 1935 г. роман был переиздан, а затем переиздавался в Англии в 1940, 1941, 1943, 1946, 1947, 1949 и 1950 гг. Шолохов был неудовлетворен переводом «Тихого Дона» на английский язык: «По вопросу о переводе могу сказать следующее: неточности, допущенные Ст. Гарри, безусловно должны быть исправлены, т. к. весьма часто они искажают смысл. . .» Не удовлетворяли Шолохова и многие сокращения, допущенные переводчиком в тексте «Тихого Дона». Писатель намеревался специально, по железде в Москву, проверить этот перевод по главам.²

Шолохов следил за изданиями «Тихого Дона» за границей и откликами зарубежной печати. «Очень прошу Вас, — писал он в издательство иностранных рабочих в СССР, — ставить меня в известность о всем, что касается изданий за границей моих книг. В частности, прошу написать англичанам, чтобы они прислали пару экземпляров „Тихого Дона“. Когда получите и будете пересылать мне, — не забудьте написать, как выглядит перевод».³

24 апреля 1934 г. Шолохов просит переслать ему отклики английской прессы на «Тихий Дон»: «Прошу Вас сообщить в Лондон, что меня очень интересуют отзывы английской прессы на „Тихий Дон“. Не сможет ли издательство переслать их через посредство Вашего издательства мне?»⁴

«Тихий Дон» М. Шолохова был одним из первых переводов советской литературы на английский язык. Известный английский прогрессивный писатель Джек Линдсей рассказывает: «Первым писателем, который оказал сильное влияние на английскую культурную жизнь, был Михаил Шолохов, чьи романы, по общему признанию, обладают такой широтой и таким богатством красок и образов, что можно говорить о близости его романов к классическим произведениям XIX века».⁵

Вскоре после выхода первых изданий «Тихого Дона» в Англии десятки английских газет поместили на своих страницах отзывы об этом романе. Критики различных направлений единодушно признавали роман Шолохова «необычным» «оригинальным и поучительным», «резко выделяющимся из массы книг, затопляющих книжные витрины». Лейбористская газета «Дейли геральд» писала: «Роман может считаться классическим по своей ясности и реалистичности сцен и жизненной правде портретов. Описания жизни даны с толстовской простотой и непосредственностью».⁶

Оценивая «Тихий Дон» как значительное явление современной мировой литературы, английская печать, вместе с тем, приглушала идейный смысл романа, обращала внимание своих читателей лишь на картину «незнакомой и любопытной для англичан жизни казачьей станицы в период мира, войны и революции». Увлекаясь чисто внешним эффектом, одно из лондонских издательств решило даже выпустить в свет роман Шолохова под названием «Любовь казака». Неудовлетворенные суровой правдой картин войны и революции на Дону, английские критики особенно назойливо твердили о грубости нравов героев «Тихого Дона». Один из критиков заявлял, что если бы не «жестокость, то книга Шолохова была бы шедевром шедевров».⁷

Публикуемая статья «Английским читателям» написана Шолоховым 10 июня 1934 г., после изучения отзывов английской прессы, и рассматривалась автором как предисловие к английскому изданию «Тихого Дона». Шолохов не только ответил на упреки английской критики, но и разъяснил идейный смысл

своего романа. Публикация этой статьи в английской печати нам не известна. На русском языке публикуется впервые по рукописи, хранящейся в архиве Института мировой литературы им. А. М. Горького (фонд М. А. Шолохова).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ M. Sholokhov. And quiet flows the Don. Translated from the Russian by Stephen Garry. London, Putnam, 1934, X, стр. 755.

² М. Шолохов. Письмо в издательство иностранных рабочих в СССР. 17 октября 1935 г. Архив ИМЛИ, фонд М. А. Шолохова.

³ М. Шолохов. Письмо в издательство иностранных рабочих в СССР. 20 марта 1934 г. Архив ИМЛИ, фонд М. А. Шолохова.

⁴ М. Шолохов. Письмо в издательство иностранных рабочих в СССР. 24 апреля 1934 г. Архив ИМЛИ, фонд М. А. Шолохова.

⁵ Джек Линдсей. Советская литература в Англии. «Советская культура», 25 декабря 1954 г., № 154, стр. 4.

⁶ Ал. А-в. «Тихий Дон» в оценке буржуазной Англии. «Литературная газета», 10 июня 1934 г., № 73, стр. 1.

Об исключительном успехе «Тихого Дона» в Англии в свое время сообщали многие советские газеты. См. напр.: «Английское издание „Тихого Дона“ Шолохова» («Правда», 7 мая 1934 г., № 124, стр. 4); «Успех „Тихого Дона“ в Англии и Дании» («Ленинградская правда», 27 июня 1934 г., № 149, стр. 4); «Советская литература за границей» («Вечерняя Москва», 29 августа 1934 г., № 199, стр. 3) и др.

⁷ Ал. А-в. «Тихий Дон» в оценке буржуазной Англии. «Литературная газета», 10 июня 1934 г., № 73, стр. 1.

ПИСЬМА М. А. ШОЛОХОВА К Н. А. ОСТРОВСКОМУ

(Публикация В. В. Г у р а)

М. А. Шолохов был среди тех писателей, творчество которых привлекало внимание Н. А. Островского, вступавшего в литературу.¹ А. С. Серафимович, отдававший Н. А. Островскому «целые дни своего отдыха», передававший «молодому ученику свой опыт»,² не мог не рассказывать ему и о другом своем «литературном крестнике» — Михаиле Шолохове, которого он искренне считал уже настоящим «командиром в литературе».³

Отмечая успехи советской литературы, батальона «инженеров человеческих душ», Николай Островский видел, «на линии огня взвод передовых мужественных бойцов», называл среди них имена А. Фадеева, М. Шолохова и других писателей. «Они не отстали, — писал Н. А. Островский, — от стремительного победного движения. Их оружие не заржавело».⁴ В беседе с А. Фадеевым и Ю. Либединским писатель смело и бережно высказывал свои суждения о «Тихом Доне», «об исторических, композиционных и психологических особенностях этого грандиозного романа».⁵ Н. А. Островский был хорошо осведомлен и о зарубежных

изданиях «Тихого Дона» и «Поднятой целины». ⁶ Этот факт лишний раз свидетельствует о том, насколько пристально следил он за творческой судьбой М. А. Шолохова.

Еще в июне 1934 г., откликаясь на выступления М. Горького по вопросам языка художественной литературы статьей «За чистоту языка», Н. А. Островский повторил мысль, высказанную в ходе дискуссии М. А. Шолоховым, ⁷ согласился с ним, что только «при совместной работе писателей и критиков мы достигнем желанных результатов, очистим язык художественных произведений от всей накипи, снижающей ценность и качество труда работников литературы». ⁸

Не менее пристально следил за творчеством своего младшего товарища по перу и М. А. Шолохов. Летом 1936 г. между Шолоховым и Островским завязалась теплая переписка, способствовавшая укреплению их дружеских отношений. Это было как раз в то время, когда Островский отдавал последние силы роману «Рожденные бурей», а Шолохов напряженно работал над четвертым томом «Тихого Дона».

Автор романа «Как закалялась сталь» сообщил Шолохову о завершении первой книги «Рожденные бурей», ⁹ просил его прочитать этот новый роман, требовал суровой и честной критики. ¹⁰ Шолохов сообщил Островскому о своей творческой работе. Обоим хотелось повидаться, поговорить «по душам». Но встретиться М. А. Шолохову с прикованным к постели товарищем удалось лишь незадолго до смерти Н. А. Островского.

В начале октября 1936 г. Шолохов сообщил Николаю Островскому, что «в конце этого месяца» он выедет «на неделю-другую» в Москву, где повидается с ним, прочтет его «Рожденные бурей».

В Москву Шолохов приехал в конце 1936 г. ¹¹ В это время, как рассказывала нам Р. П. Островская, и состоялась встреча писателей на квартире Н. А. Островского. ¹²

Смерть Н. А. Островского Шолохов воспринял как большую утрату для советской литературы, тяжело переживал гибель своего товарища по литературе. Он писал: «Из рядов советской литературы смерть вырвала самого мужественного, самого стойкого и честного писателя-бойца. Даже поверженный болезнью, безмерно страдающий, он до последнего вздоха сражался оружием писателя-коммуниста за великие идеи своей партии. На примере Островского миллионы людей будут учиться, как надо жить, бороться, побеждать и любить свою Родину. Велика тяжесть понесенной нами утраты, но и она не может погасить гордости за страну, за партию, за Ленинский комсомол, воспитавший такого замечательного человека. О нем и о мертвом будут вспоминать с любовью, признательностью и восхищением. М. Шолохов». ¹³

Публикуемые письма М. А. Шолохова к Н. А. Островскому хранятся в Музее Н. А. Островского в Москве.

Дорогой Николай Островский!

Книгу получил.¹⁵ Спасибо. Прости за долгое молчание. Я думал побывать в Сочи, увидеть тебя, поговорить, но так и не пришлось.

Пользуюсь «оказией»,¹⁶ — посылаю 1-ю книгу «Тихого Дона». Как только выйдет из печати последняя — тотчас пришлю.

Прими мой горячий дружеский привет. Крепко жму руку. Желаю тебе бодрости, здоровья, успеха в работе.

М. Шолохов

8.7.36 г.

217

Спасибо за письмо, за доброе отношение ко мне. В Сочи непременно приеду, как только разделаюсь с окаянной книгой. Сейчас, не глядя на жару, начал работать. Сижу, обливаюсь горьким потом и с вожделием поглядываю на Дон. По совести говоря, — работать в такую дикую погоду нет ни малейшего желания, хотел улизнуть куда-нибудь на простор, но... побаиваюсь, как бы жена не стала привязывать за ногу к письменному столу.

История литературы знает такие примеры гнусной эксплуатации нашего брата.

Свояченица Лидия со свойственным легкомыслием целыми днями трещит о тебе, рассказывает без конца и краю. Приходит и вместо «здравствуй» начинает: «А вот Николай Алексеевич» и т. д. и пошла, как из Максима поливать, да длинными очередями, да часа на два. Ужас, что творится в нашем тихом доме! Должен вам сказать, тов. бригадный комиссар, что вы и лежать на постели разите незащитных девушек, неудобно это, и я не я буду, если не шепну вашей жене при встрече кое-что!

Крепко обнимаю тебя, дорогой Николай, и желаю всего доброго. До скорого, надеюсь, свидания. Мой сердечный привет твоей маме и всем твоим близким.

М. Шолохов

14.8.36.

Вешенская

318

Дорогой Островский!

Спасибо за дружеское внимание, за письмо. С негодованием отмечаю, как говорится, разговоры о твоей недолговечности¹⁹ и всем сердцем желаю тебе жить до старости, не старея.

В Сочи, пожалуй, не приеду. А вот в Москве увидимся всене-пременно!

В конце этого месяца я тоже махну туда на неделю-другую²⁰ и тогда и повидаемся, и поговорим, и «Рожденные бурей» там же прочту. А сейчас не могу поехать.

За этот месяц надо поработать до горького пота. Если не закончу «Тихий Дон», — брехуном прослышу на весь белый свет, а перспектива эта мне не улыбается. Ездил в Москву, слезно просил освободить меня от поездки на антивоенный конгресс <...>, и вот я снова за столом, допоздна «перекрываю нормы», а наутро прочитаю и за голову хватаюсь... Сии писательские чувства тебе самому известны, а потому и расписывать их нечего.

Наши все тебе и твоим близким кланяются, а я обнимаю тебя и крепко жму руку.

Твой М. Шолохов

2 X 36 г.
Вешенская

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Л. Розова и Е. Островская Н. Островский в школе. Учпедгиз, М., 1949, стр. 41.

² Н. Островский. Романы. Речи. Статьи. Письма. Гослитиздат, М., 1949, стр. 484.

³ Ф. Гладков. А. С. Серафимович. В сб. «А. Серафимович. Исследования. Воспоминания. Материалы. Письма». Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 167.

⁴ Н. Островский. Романы. Речи. Статьи. Письма, стр. 508—509.

⁵ Ю. Либединский. Голос самой дружбы. «Литературная газета», 26 декабря 1939 г.

⁶ Н. Островский. Речи. Статьи. Письма. «Молодая гвардия», 1946, стр. 55.

⁷ М. Шолохов. За честную работу писателя и критика. Вешенская. 4 марта 1934 г. «Литературная газета», 18 марта 1934 г., № 33, стр. 2.

⁸ Н. Островский. Романы. Речи. Статьи. Письма, стр. 481.

⁹ «Сегодня кончил свою окаянную. Отдохну маленько, напишу. До скорого свидания». (Н. Островский. Романы. Речи. Статьи. Письма, стр. 629.)

¹⁰ «Я хочу прислать тебе рукопись первого тома „Рожденные бурей“, но только с одним условием: чтобы ты прочел и сказал то, что думаешь о сем сочинении. Только по честности — если не правится, так и крой!.. Знаешь, Миша, ищу честного товарища, который бы покрыл прямо в лицо. Наша братия, писатели, разучились говорить по душам, а друзья боятся „обидеть“». (Н. Островский. Романы. Речи. Статьи. Письма, стр. 630).

¹¹ «Разговор у Шолохова». — Исправленный Шолоховым машинописный текст статьи неустановленного автора. 1936 г., Архив ИМЛИ, II, 65, 34.

¹² Об этой встрече упоминает и А. Лазарева. Она пишет: «Особенно хочется выделить встречи Николая Алексеевича с писателями. Прежде всего посещения А. Серафимовича, М. Шолохова, А. Фадеева. Серафимович, отдыхая в Сочи, первый раз посетил Николая Островского еще в 1934 году. Их дружеские отношения не прерывались до последних дней жизни Николая Алексеевича. Мнения его, Фадеева, Шолохова о романе „Рожденные бурей“ Островский особенно ждал и ценил». (А. Лазарева. Как жил и работал Николай Островский. В кн. «Николай Островский. Сб. материалов». Краснодар, Крайгосиздат, 1952, стр. 243).

¹³ М. Шолохов. «На примере Островского миллионы людей будут учиться, как надо жить, бороться, побеждать и любить». (М. Шолохов о

смерти писателя-орденоносца Н. А. Островского). Вешенская, «Большевицкий Дон», 24 декабря 1936 г., № 130, стр. 1; См. также М. Шолохов: «На его примере будут учиться побеждать миллионы». Вешенская, 23 декабря. «Молот», 24 декабря 1936 г., № 4671, стр. 4, Р.-на-Д.

¹⁴ Публикуется впервые. Музей Н. А. Островского в Москве, папка 10, письмо 16.

¹⁵ «Книгу получил» — видимо роман Н. Островского «Как закалялась сталь».

¹⁶ «Пользуюсь оказией» — в это время в Сочи уезжала сестра жены писателя — Лидия Петровна.

¹⁷ Публикуется впервые. Музей А. Н. Островского в Москве, папка 10, письмо 7.

¹⁸ Впервые частично опубликовано в статье В. Гура «М. А. Шолохов в работе над „Тихим Доном“». «Лит. Саратов», кн. 11. Саратов, 1950, стр. 181, а затем полнее в сб. «Николай Островский». Краснодар, Крайгосиздат, 1952, стр. 154—155. Музей Н. А. Островского в Москве, папка 10, письмо 5.

¹⁹ Н. А. Островский писал Шолохову, приглашая его в Сочи: «Помни, Миша, что я ненадежный насчет многолетней жизни парень. И если ты хочешь пожать мне руку, то приезжай, не откладывая на будущий год». (Н. Островский. Романы. Речи. Статьи. Письма, стр. 630).

²⁰ «В конце этого месяца я тоже махну туда на неделю-другую...» — ответ на письмо Н. А. Островского, в котором он писал: «25 октября я уезжаю в Москву на всю зиму» (Н. Островский. Романы. Речи. Статьи. Письма, стр. 630).

А. Н. ТОЛСТОЙ О «ТИХОМ ДОНЕ»

(Сообщение В. В. Гура)

В архиве А. Н. Толстого хранятся три близкие по смыслу, а в некоторых частях дословно совпадающие рецензии Алексея Толстого на роман Михаила Шолохова «Тихий Дон».¹ Одна из этих рецензий написана 28 января 1940 г., другие датированы этим же годом. Рецензии А. Н. Толстого связаны с дискуссией вокруг четвертой книги «Тихого Дона»² и с выдвижением романа Шолохова на Сталинскую премию.³

Сравнивая Шолохова с Л. Толстым, отмечая органическую преемственность между ними, Алексей Толстой указывает, что автор «Войны и мира» выходил в знании жизни за пределы своего общественного круга, поэтому «шире и могущественнее» размах его творчества. «Но нужно принять во внимание, — продолжает автор рецензии, — что Толстой завершал целую галерею великих русских писателей 19 века. А Шолохов быть может начинает новую народную прозу, скрепляя ее со старшими богатырями».

Алексей Толстой высоко ценит «Тихий Дон» прежде всего как произведение глубоко народное. «Язык, — пишет он, — образы, характеры, природа, быт, эстетика — все это целиком от народа». Черты народности А. Н. Толстой видит во всех компонентах стиля Шолохова, обращает особое внимание на народный язык «Тихого Дона»: «Язык повествования, язык диалогов у Шолохова — живой, народный, правдивый, точный, идущий всегда

от острого наблюдения, от глубокого, чувственного знания предмета». Алексей Толстой отмечает меткость диалогических характеристик в романе, основанных на глубоком знании народной речи, на знании сложности и своеобразия ее построения. Народность языка «Тихого Дона» проявляется и в бытовых зарисовках, и в пейзажных картинах. «Великолепный повествовательный язык, отчетливый и светлый» дает Шолохову возможность «показывать события во всей их объемной ощутительности». Подтверждая эти свои суждения, А. Толстой цитирует следующую сцену из четвертой книги «Тихого Дона»:

«...Наталья спиной чувствовала, когда набежавшая тучка заслоняла солнце; на миг становилось прохладнее, на бурую, дышащую жаром землю, на разветвленные арбузные плети, на высокие стебли подсолнуха стремительно ложилась серая тень. Она покрывала раскинутые по косогору бахчи, разомлевшие и полегшие от зноя травы, кусты боярышника и терна с понурой, испачканной птичьим пометом листвой. Звонче звенел надсадный перепелиный крик, отчетливей слышалось милое пение жаворонков, и даже ветер, шевеливший теплые травы, казался менее горячим. А потом солнце наискось пронизывало ослепительно белую кайму уплывавшей на запад тучки и, освободившись, снова низвергало на землю золотые, сияющие потоки света».⁴

«Вот этим „милым пением жаворонка“, — делает вывод А. Н. Толстой, — этим запахом нагретых трав — полон язык Шолохова, и это выдвигает его роман на видное место в ряд первоклассных произведений русской литературы».

Подчеркивает А. Толстой и правдивость, своеобразие созданного Шолоховым мира образов, полного «больших человеческих страстей». Шолохов выступает в «Тихом Доне» как большой мастер в раскрытии психологии, переживаний героев. «С огромной силой, — пишет А. Толстой, — в романе изображены чувства: любовь и ревность Натальи, жены Григория, любовь Григория и Аксиньи. Изображение любовных чувств — одна из труднейших задач, стоящих перед художником. Любовь веками изображалась гениальными художниками, и Шолохову нужно было иметь свежее сердце, чтобы с такой свежестью и силой написать любовные сцены романа».

Сильный, страстный, полнокровный образ Григория Мелехова, ставший для читателей, за время когда Шолохов писал свой роман, «как бы живым человеком», в судьбе которого советские люди приняли самое горячее участие, является, по мнению А. Н. Толстого, показателем исключительно высокого художественного качества «Тихого Дона». Наряду с образами Григория Мелехова, Натальи и Аксиньи, Алексей Толстой считает лучшими в романе, наиболее удавшимися Шолохову, характеры Пантелея Прокофьевича и Мишатки. «Характеры Пантелея Прокофьевича и его внучонка Мишатки, — утверждает А. Толстой, — достойны отнесения к классическим образам».

Раскрывая идейный смысл «Тихого Дона», А. Толстой склонен разделять имевшую одно время распространение среди ряда критиков точку зрения, согласно которой роман Шолохова ограничен якобы «узким кругом воззрений, чувствований и переживаний старозаветного быта тихого Дона, над которым разразилась гроза». А. Толстой считает, что «Шолохов написал трагедию гнущегося класса» и не видит другой мысли, выраженной в романе, — закономерность прихода беднейшего казачества к революции через преодоление трудностей и противоречий.

Особенно противоречиво отношение А. Толстого к концу романа. С одной стороны, он считает, существующий конец романа ошибкой Шолохова, с другой — утверждает, что такой трагический финал подготовлен всем предшествующим развитием эпопеи, всей ее структурой. Отстаивая закономерность такого финала, А. Толстой справедливо полагает, что иначе закончить эпопею «Шолохов, как честный художник, не мог»: «У Григория Мелехова был выход — на иной путь. Но если бы Шолохов повел его по этому другому пути — через Первую Конную — к перерождению и очищению от всех скверн, композиция романа, его внутренняя структура развалилась бы».

Шолохов, по мнению А. Толстого, «должен был довести своего героя до неизбежной гибели...», до гибели всего того обреченного мирка, которым жил Григорий Мелехов. Объявляя всякий другой путь Григория Мелехова художественной неправдой, разрушающей внутреннюю логику повествования, А. Толстой, вместе с тем, склонен считать ошибкой Шолохова завершение романа уходом Григория в бандиты. «Григорий не должен уйти из литературы, как бандит...», — пишет А. Толстой. — «Композиция всего романа требует раскрытия дальнейшей судьбы Григория Мелехова».

«Тихий Дон» Шолохова А. Толстой называет произведением исключительно талантливым, стоящим по художественному качеству «на высоте, до которой вряд ли другая иная книга советской литературы поднималась за двадцать лет». Отвечая утвердительно на вопрос о том, можно ли к роману Шолохова «Тихий Дон» применить мерилу самой высокой художественной оценки, А. Толстой пишет: «Роман будет в нас жить и будить в нас глубокие переживания и большие размышления, и несогласия с автором, и споры; мы будем сердиться на автора и любить его... Таково бытие большого художественного произведения».

В годы Великой Отечественной войны Алексей Толстой вернулся к оценке «Тихого Дона», признав, что сама жизнь разрешила те литературные споры, которые развернулись перед войной вокруг шолоховского романа и, главным образом, вокруг характера Григория Мелехова. Подчеркивая, что Шолохов как писатель «рожден Октябрем и создан советской эпохой», А. Толстой теперь обращает главное внимание на то, что Шолохов пришел в литературу с темой рождения нового общества в муках и

трагедиях социальной борьбы. «В „Тихом Доне”, — пишет А. Толстой, — он развернул эпическое, насыщенное запахами земли, живописное полотно из жизни донского казачества. Но это не ограничивает большую тему романа: „Тихий Дон” по языку, сердечности, человечности, пластичности — произведение общерусское, национальное, народное».⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив А. Н. Толстого. Институт Мировой Литературы им. А. М. Горького, № 855.

² Обсуждение четвертой книги «Тихого Дона». «Литературная газета», 26 мая 1940 г., № 29, стр. 6. Дискуссия о «Тихом Доне» на страницах «Литературной газеты» открылась 26 мая 1940 г. статьей Ю. Лукина «Большое явление в литературе», затем были опубликованы статьи: И. Гринберг. Арифметика и литература («Литературная газета», 28 июля 1940 г., № 41, стр. 4); В. Ермилов. О «Тихом Доне» и о трагедии («Литературная газета», 11 августа 1940 г., № 43, стр. 3); А. Лейтес. Без «счастливой развязки» («Литературная газета», 8 сентября 1940 г., № 47, стр. 4); П. Громов. Григорий Мелехов и Михаил Кошевой («Литературная газета», 6 октября 1940 г., № 51, стр. 3) и др.

³ Постановлением СНК СССР от 15 марта 1941 г. Шолохову за роман «Тихий Дон» была присуждена Сталинская премия первой степени. (О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР. «Правда», 16 марта 1941 г., № 74, стр. 1).

⁴ М. Шолохов. Тихий Дон. Гослитиздат, М., 1941, стр. 566.

⁵ А. Н. Толстой. Четверть века советской литературы. (Доклад на юбилейной сессии Академии наук СССР, 18 ноября 1942 г.). Изд. «Сов. писатель», М., 1943.